
Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М., Терра, 1994.
OCR Бычков М.Н.

I

Маркиз стоял на крыльце, надевая перчатки и внимательно глядя на лошадь, которую держал под уздцы конюшенный мальчик. Прелестная золотисто-рыжая кобыла косила круглым черным, налитым кровью глазом, водила ушами и чуть заметно переступала с ноги на ногу, точно пробуя подковы. Мелкая дрожь пробегала по ее тонкой гладкой коже, и влажные ноздри раздувались.

Ярко-синее небо с круглыми белыми облаками, свежий порывистый ветер, прилетавший с моря, изумрудно-зеленые газоны и желтые утрамбованные дорожки двора, далекие голубо-розовые горы и тени, ползущие по их солнечным склонам, – все было ярко, резко и красочно.

Сегодня маркиз чувствовал себя именно таким, каким любил быть: точно сбитым из нервов и мускулов, решительным и дерзким. Его гладко выбритое лицо, с черными выпуклыми глазами, характерным носом и правильно очерченными губами над маленьким крутым подбородком, говорило о редкой самоуверенности, доходящей до наглости, до шика. И ему действительно казалось, что все – и солнце, и ветер, и горы, и люди, и животные – все для него, ибо он один, блестящий, элегантный и красивый, достоин всем пользоваться и жить. Он чувствовал себя центром – кумиром женщин и прирожденным господином мужчин.

Все смотрели на маркиза: и лошадь, и конюшенный мальчик, едва сдерживавший ее на месте и невозмутимый, исполненный сознания собственного достоинства лакей, обеими руками державший хлыст, в ожидании, когда господину маркизу будет угодно принять его, и старый садовник с широкополой шляпой перед втянутым животом, и какой-то оборванец в синей блузе, зазевавшийся у каменных ворот на горячем, белом от пыли шоссе.

Но сам маркиз Паоли как будто не замечал никого, смотрел прямо перед собою и методически, не спеша, застегивал перчатку на своей маленькой, но железной руке.

Наконец он, не глядя, протянул руку назад, взял хлыст, мгновенно подскочивший к самым пальцам господина маркиза, неторопливо, слегка подрагивая на крепких ногах, сошел со ступеней и, похлопав ладонью по широкой шее заволновавшейся лошади, одним ловким движением, как бы без всякого усилия, опустил на заскрипевшее новой кожей седло. Конюшенный мальчик проворно отступил шага на два; лошадь дрогнула, рванулась, но, сдержанная привычной и сильной рукой, сейчас же перешла на ровный эластичный шаг и плавно понесла своего изящного всадника по скрипящей гравием дорожке вокруг зеленого газона, к широко открытым воротам виллы.

Слуги провожали его глазами, пока маркиз не скрылся за каменной оградой. Потом все вдруг ожило и зашевелилось. Важный лакей, достав серебряный портсигар, громко щелкнул крышкой и, с наслаждением выпуская дым, оглянулся кругом с таким благосклонным видом, точно только теперь заметил этот прекрасный солнечный день. Конюшенный мальчик вприпрыжку убежал в конюшню. Садовник медленно накрылся своей широкополой шляпой и, мгновенно превратившись в старый сморщенный гриб, кряхтя, вонзил лопату в мягкий дерн. Жизнь пошла своей чередой.

А маркиз шагом ехал по шоссе, изредка машинально потрагивая лошадь поводьями и небрежно оглядывая своими прекрасными наглыми глазами зеленые поля, – синие горы, далекую полоску на горизонте, крыши белых ферм и длинную ленту шоссе, на котором в этот час дня никого не было видно.

Он очень мало думал о цели своей поездки, так как привык, что нужные мысли и слова с быстротой животного инстинкта сами приходят, когда нужны ему. Притом он слишком хорошо знал, что взгляд его и наглых, и нежных, и холодных, и страстных глаз действует на женщин вернее, чем самые продуманные фразы.

Прошло уже больше месяца с того дня, когда, оправданный, благодаря своим связям и громкому имени, он вышел из суда таким же самоуверенным, каким и входил туда. Теперь все эти крикливые судейские, эти решетки, эта потная от давки и жары любопытная толпа, грязные свидетели и прочий сброд, вульгарный и дурно одетый, воображавший, что ему удастся наложить руку на